II.

«Прямыми сдѣлайте стези ему»...
Евангеліе Луки, III, 4.

Мы начали съ Константина равноапостольнаго и кончили Константиномъ Побѣдоносцевымъ (какъ удачно подмѣтилъ Д. Мережковскій), и наша Россія, это величайшее захолустье міра, въ которомъ живетъ великій дикарь-мученикъ, нашъ мужикъ, служитъ показательной иллюстраціей грандіознаго распада религіозныхъ основъ нашей жизни.

Въ атмосферѣ этого общественнаго распада и сформировался постепенно религіозный и политическій «анархизмъ» Л. Толстого. Свой путь Л. Толстой началъ съ евангелія. Продолжалъ—евангеліемъ. И кончилъ—евангеліемъ.

Эта книга не была въ глазахъ Л. Толстого какой-то божественно-потусторонней книгой, которую надо не читать, а говорить нараспѣвъ, которую надо переплетать въ золото и цѣловать. Это была книга разума и любви,—и потому ее нельзя было не признать основой всего нашего пребыванія на землѣ. Въ ней были собраны великіе, святые и поэтическіе афоризмы, которые узорились искрами подлинной любви и духовнаго величія. И такой пан-идеальной жизни, жизни по евангельскимъ афоризмамъ, и учитъ Л. Толстой въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ о жизни, которыя являются дѣйствительно цѣлыми тропарями истинѣ, разуму и любви. *

Изученіе Л. Толстымъ евангелія было многолѣтней, кропотливой, ажурной работой надъ текстомъ четырехъ евангелистовъ. (Трудъ этотъ былъ, какъ извѣстно, уничтоженъ невѣжественными прислужниками царскаго двора).

Мы съ вами привыкли все начинать отъ печки. Л. Толстой началъ съ азбуки. Продетализировавъ каждую сокровенную мысль евангелія, углубившись во всѣ его темные уголки, Л. Толстой нашелъ его подлинное, раціоналистически—пріемлемое, его старое русло, и по этому руслу и поплылъ.

Для всѣхъ европейцевъ, вкусившихъ сладость «офиціальной» вѣры, далеко не секретъ то обстоятельство, что евангельскія истины въ теченіе многихъ вѣковъ окрашивались въ различные тона, въ зависимости отъ политическихъ вѣяній въ тѣхъ или иныхъ государствахъ. Русская церковь, въ частности, не брезгала никакими наслоеніями и искаженіями святыхъ словъ. Наше синодальное православіе, привыкшее играть двусмысленностями, раболѣпно служившее царизму и обскурантизму, стремилось «божескими» законами оправдать человѣческія насилія, государственный произволъ, смертную казнь и т. д. Легко можно себѣ представить, что и до сихъ поръ существуютъ люди, которые, въ своемъ безстыдствѣ, пы-

---

*) См. Въ чемъ моя вѣра», «Царство Божіе внутри васъ», «О жизни», «Такъ что же намъ дѣлать», «Въ чемъ счастье», «Законъ насилія и законъ любви», «Единственное средство», «Единое на потребу», «Одумайтесь» и мн. др., изложеніе идей которыхъ не составляетъ задачу настоящей статьи, но обстоятельную передачу содержанія коихъ читатель можетъ найти в недавно вышедшей, одобренной еще Л. Толстымъ, книгѣ В. Булгакова «Христіанская этика.»